

Лошади в ту эпоху были столь же ценным имуществом, как современные роскошные автомобили. Обязанности Августа как лорда ограничивались предоставлением жилья, питания и обучения, но не включали раздачу «транспорта» или недвижимости. Лошадей приводили с собой прибывавшие на обучение юноши, и, разумеется, увозили обратно по окончании учёбы. Богатство семьи ученика-рыцаря и его положение в ней становились очевидны с момента появления в замке: снаряжение и наличие собственного коня говорили сами за себя.

Те ученики, кому удалось попасть в лондонский поезд, хоть и не были старшими сыновьями, явно пользовались в семьях особой любовью. Ради престижа или же из искренней привязанности родители-аристократы не скупились, и редкий из них прибыл без лошади.

Напротив, некоторые из старших учеников, уже несколько лет состоявших при Августе и теперь также отправившихся в Лондон, по-прежнему были вынуждены ютиться вместе со слугами.

Рыжий Джон, чьё лицо было усыпано веснушками, принадлежал к их числу. Насмешек в его адрес было немало, но он молча сносил их.

Командор рыцарей объезжал строй, внимательно наблюдая за поведением новых учеников и оценивая, кто из них подаёт надежды. Не каждый ученик становился рыцарем, и не каждый оставался в замке Августа. Решение об их судьбе принадлежало Андре, и никто не смел оспаривать его вердикт — ведь за ним стоял герцог Август, не признававший никаких иных авторитетов.

Товарищ попытался утешить Джона: «Не обращай внимания на болтовню новичков. Жизнь их проучит».

Джон потупился и едва заметно покачал головой: «Меня это не задевает». Его и вправду мало трогали бедность или насмешки из-за отсутствия коня. Гораздо большее ранило равнодушие отца, мелкого лорда, и старшего брата-наследника, которые вели себя так, будто между ними не было никаких кровных уз.

«Эй, — приятель понизил голос, придвинувшись к Джону. — Хочешь сплетню про командора?»

«А?»

«Говорят, у него поначалу тоже своей лошади не было».

«!!!» — Джон широко раскрыл глаза и невольно уставился на командора, чей стройный стан казался почти божественным. «Как это возможно? — твердил он. — Не может быть!»

Андре, безупречный в своих манерах, ничем не выдавал прошлого.

«Вполне может, — продолжал друг. — Отец у него рано умер, а старший брат был скрягой. Знаешь, почему он, при всём своём мастерстве, не пошёл служить к тому самому принцу? Он поклялся служить лишь герцогу Августу, и первую лошадь ему подарил ещё в детстве сам герцог!» — Товарищ подмигнул. «Улавливаешь намёк?»

«Командор и вправду похож на рыцаря из легенд — верный, благодарный и могучий!»

«Я о том, что тебе надо как-то показать себя перед герцогом, болван! Вдруг он и тебе коня подарит. Слышал, у него во Франции, рядом с виноградниками, огромный конезавод. Представь самое большое богатство, умножь его на десять — и это будет лишь крохотная часть

наследства герцога. Взгляни на его карету...»

Экипаж Августа был подарком королевы-матери Изабеллы ко дню его рождения. Четвёрка лошадей везла чёрную четырёхколёсную карету герцогского достоинства с золотой отделкой, где каждая деталь имела свой смысл, излучая природную власть и авторитет. Это был крупнейший тип кареты в Средневековье, двухъярусный: верхний ярус, открытый, вмещал шесть слуг вместе с кучером; нижний, закрытый, защищал от непогоды и мог принять до шести взрослых, хотя знатные господа обычно не желали делить такое пространство ни с кем.

Август был не столь привередлив и заранее, по рассеянности, согласился разделить карету с Рафаэлем, о чём впоследствии горько сожалел. К счастью, большую часть неловких моментов наедине он проспал.

Когда Август наконец раскрыл глаза, солнце стояло в зените, а карета плавно катилась по рельсам.

Да, по рельсам.

Многие знают о каретах и поездах, но не все слышали о переходном звене между ними — рельсовой карете.

Август же узнал о ней, когда, желая уязвить Рафаэля, которого считал помешанным на Средневековье, основательно проштудировал исторические материалы. Он ехидно писал в сообщении: «Ну ладно, раз уж ты не в курсе, что такое поезд, ты хотя бы о рельсовой карете слышал?»

Вопрос был ловушкой. Рельсовая карета казалась отсталым средневековым изобретением, однако на деле она появилась лишь в XVIII-XIX веках, став порождением Промышленной революции и вскоре уступив место автомобилям и трамваям. Август не верил, что его оппонент сможет воссоздать эпоху с такой скрупулёзностью.

Но, к его изумлению, тот смог.

Рафаэль не знал, что такое рельсовая карета, но выразил желание узнать.

Август разозлился, решив, что Рафаэль, нагуглив информацию, просто дразнит его. Однако он не отступил, закупившись иностранными переводами и готовясь к битве.

А затем...

Настал момент, когда Август пожинал плоды.

Рафаэль, используя полученные от него сведения, на два столетия раньше срока создал рельсовую карету — более устойчивую, быструю и вместительную, чем обычная. Август невольно оказал себе услугу, и потому мог спокойно спать всю дорогу.

Проснувшись, он позволил камердинеру привести себя в порядок: переодеть, умыться. Наслаждаясь законными пейзажами, герцог размышлял над важным вопросом: откуда у Рафаэля деньги?

По ту сторону пролива Англия и Франция вели затяжную войну. Война — самая прожорливая машина, поглощающая любые средства; и всё же, несмотря на напряжённость, Рафаэль умудрялся финансировать масштабные проекты: не только завершил лондонскую

канализацию, но и начал прокладывать транспортные сети по всей стране.

Как ему это удавалось?!

«Транспорт — вторая линия жизни войны», — ответил Рафаэль на невысказанный вопрос Августа. Он отложил рукописный фолиант и устремил на герцога свои пронизательные, полные ума серые глаза. Внезапно, а может, давно задумав, спросил: «Как-то не по-детски ты мыслишь для своих лет».

Ведь ещё недавно Август с трудом складывал один плюс один.

Август невинно моргнул, его голубые глаза наполнились детской чистотой. Прижимая к себе ещё тёплую кружку с молоком, он, казалось, даже дышал молочным ароматом: «Отец в письмах постоянно жалуется — денег нет, денег не хватает».

Это была не ложь. Его болтливый родитель и вправду любил сетовать на недостаток средств, даже когда их хватало. Он придерживался принципов «плачущий ребёнок получает молоко» и «деньги любят тишину», неустанно выбивая положенное вознаграждение для солдат, сражавшихся под его началом. Жизнь павших не вернуть ни за какие деньги, но их семьи и искалеченные воины заслуживали достойной жизни.

Рафаэль приподнял бровь, разглядывая Августа с ног до головы, снова и снова, но так и не сказал, верит ли. Лишь когда герцог начал ёрзать от беспокойства, он тихо произнёс: «А».

И на этом всё закончилось.

Август возвёл все мыслимые оборонительные рубежи, ожидая атаки, но враг и не думал начинать наступление в этот день.

<http://bllate.org/book/15929/1423864>